

*Посвящается Марку —
по известным ему причинам*

ХЭМПСТЕД

Секретарь приемной врача, милая девушка в очках, проводила Лору к выходу, распахнула перед ней дверь и отступила в сторону, улыбаясь, будто прощалась с подругой, чей визит доставил ей большое удовольствие. За открытыми дверями выскобленное крыльцо выходило на Харли-стрит. Дома на противоположной стороне улицы бросали тень на дорогу, разрезая ее на светлые и темные полосы.

— Чудесный день, — заметила секретарь.

День на исходе июля действительно выдался чудесный — солнечный и ясный. Наряд девушки состоял из накрахмаленной юбки и блузки; на обтянутых нейлоновыми колготками полноватых ногах — деловые черные туфли-лодочки. Лора же пришла на прием к врачу в хлопчатобумажном платье, а ноги у нее были голые. Правда, гулявший по летним улицам свежий ветерок нес прохладу, и ее плечи укрывал светлый кашемировый кардиган, который она закрепила на себе, связав спереди рукава.

Лора выразила свое согласие, но не сообщила, что еще добавить про погоду.

— Спасибо, — поблагодарила она секретаря, хотя та ничего особенно не сделала, — просто доложила о ее приходе доктору Хикли, а после приема, окончившегося через пятнадцать минут, вновь появилась, чтобы проводить ее на улицу.

— Пожалуйста. До свидания, миссис Хаверсток.

— До свидания.

Сияющая, выкрашенная в черный цвет дверь закрылась за ней. Лора повернулась спиной к фасаду красивого импозантного

дома и пошла по тротуару к парковке, где ей чудом удалось найти место для своей машины. Наклонившись, она открыла дверцу. С заднего сиденья тут же донесся шорох. Лора села за руль. Люси легко перепрыгнула с заднего сиденья к ней на колени, поднялась на задних лапах и, виляя пушистым хвостом, длинным розовым языком с любовью лизнула Лору в лицо.

— Бедняжка Люси. Ты здесь, наверное, сварилась.

Лора оставила окно машины чуть приоткрытым, но в салоне все равно было жарко, как в печке. Лора открыла люк в крыше автомобиля, и микроклимат в салоне мгновенно изменился. Она ощутила движение прохладного воздуха, ее макушку обжег горячий солнечный луч.

Люси тяжело дышала, как бы демонстрируя свое личное собачье неудовольствие и в то же время давая понять, что она простила хозяйку и любит ее. Лору Люси обожала, но при этом была весьма благовоспитанным маленьким существом, с очаровательными манерами и всегда дружелюбно приветствовала Алека, когда тот возвращался домой с работы. Алек всем всегда говорил, что, женившись на Лоре, он в нагрузку к жене приобрел и собаку.

Когда Лоре хотелось поплакаться, она выбирала в наперсницы Люси, делилась с ней секретами, которые не смогла бы доверить никому другому. Даже Алеку. Особенно Алеку. Потому что ее сокровенные мысли обычно касались его. Порой Лора задумывалась о других замужних женщинах. Они тоже скрывают что-то от своих мужей? Марджори Энсти, например. Та шестнадцать лет состоит в браке с Джорджем, организуя его жизнь до самых мелочей — от чистых носков до авиабилетов. Или Дафна Боулдерстоун, флиртующая со всеми мужчинами подряд; ее постоянно можно видеть в каком-нибудь укромном ресторане в компании чужого мужа. Делится ли Дафна с Томом своими сокровенными мыслями, смеется ли вместе с ним над своим безрассудством? Или Том и ей внимает с сухим безразличием на лице, без всякого интереса, сохраняя присущий ему чопорный отстраненный вид? Возможно, ему просто нет дела до жены. Может быть, на следующей неделе, когда они будут все вместе в Шотландии, в Гленшандре, на давно запланированном отдыхе с рыбалкой, у Лоры

найдется время понаблюдать за отношениями в других семьях и прийти к какому-то заключению...

Она глубоко вздохнула, злясь на себя. Что за глупости? Какой смысл сидеть здесь и строить предположения, если она вообще не поедет в Шотландию? Доктор Хикли на этот счет не деликатничала. «Проблему нужно решать немедленно, не теряя времени. Пару деньков в больнице, затем хороший отдых».

То, чего Лора страшилась, произошло. Бог с ними, с Дафной и Марджори, сказала она себе. Нужно сосредоточиться на Алеке. Действовать энергично, решительно, выработать план действий. Ибо, что бы ни случилось, Алек должен поехать в Гленшандру вместе с остальными. А ей придется остаться. Главное — настоять на своем. Придумать убедительный надежный план. И сделать это она должна сама. Прямо сейчас.

Сидя за рулем в своей машине, обмякшая, обессиленная, Лора не чувствовала себя ни деятельной, ни решительной.

Болела голова, болела спина, все тело болело. Лора подумала, что нужно ехать домой. Жила она в высоком узком доме в Ислингтоне — не очень далеко, но и не близко, если учесть, что она была утомлена и подавлена, а на улице стояла июльская жара. Лора представила, как она приезжает домой, поднимается по лестнице, ложится в прохладную постель и засыпает до вечера. Алек был убежден: если перестать думать о проблеме, подсознание подскажет неожиданное решение. А вдруг и у Лоры, пока она будет спать, подсознание поднапряжется и по ее пробуждении представит ей некий блестящий очевидный план. Чем черт не шутит. Лора подумала об этом и снова вздохнула. Вся беда в том, что не верит она в свое подсознание. Да и в себя тоже, если уж не кривить душой, тоже не особо верит.

— Вы очень бледны. Такой я вас прежде не видела, — сказала доктор Хикли, что настораживало само по себе, поскольку доктор Хикли была сдержанной дамой, профессионалом в своем деле и редко отпускала импульсивные замечания. — Пожалуй, вам нужно сдать кровь на анализ.

Неужели она и впрямь так бледна?

Лора опустила солнцезащитный козырек и внимательно посмотрела на себя в зеркало на его обратной стороне. Через

некоторое время без всякого энтузиазма достала из сумочки расческу и попыталась привести в порядок волосы. Потом подкрасила губы. Помада была слишком яркой, плохо сочеталась с ее цветом кожи.

Она посмотрела в свои глаза. Они у нее были темно-карие, с длинными ресницами. Слишком большие для ее лица, пришла она к выводу, будто две дыры, вырезанные в листе бумаги. Лора стойко встретила свой взгляд в зеркале. «Возвращение домой и сон ничего не решат. Ты ведь это знаешь, верно?» Должен быть кто-то, к кому можно обратиться за помощью, кто-то, с кем можно поговорить. Дома такого человека она не найдет: миссис Эбни, жившая на цокольном этаже, ежедневно отдыхает с двух до четырех и категорически против того, чтобы кто-то нарушал ее сон, даже по такому важному делу, как снятие показаний счетчика.

С кем бы поговорить?

С Филлис.

Замечательно. «Выйдя из больницы, я могу пожить у Филлис. Если я буду с Филлис, Алек спокойно может ехать в Шотландию».

Лора недоумевала, почему эта очевидная мысль не пришла ей в голову раньше. Довольная собой, она заулыбалась, но в этот момент короткий сигнал другого автомобиля вернул ее в реальность. Рядом с ее машиной затормозил большой синий «ровер», и его водитель, краснолицый мужчина, хотел знать, готова ли она освободить для него парковочное место или до вечера будет сидеть и пялиться на себя в зеркало.

Смутившись, Лора быстро подняла козырек, завела машину, улыбнулась более чарующе, чем требовалось, и, немного краснея, вырулила на дорогу. Ей повезло: она ни в кого не врезалась. Она выехала на Юстон-роуд, в трехрядном потоке транспорта тихим ходом добралась до Эвершолт-стрит, свернула на север и покатила в гору в направлении Хэмпстеда.

Лора сразу почувствовала себя чуть лучше. У нее созрел план, и теперь только оставалось претворить его в жизнь. Машин здесь было меньше, и она поехала быстрее; в открытый люк струился свежий воздух. Дорога была знакомая: в юности, когда

Лора жила с Филлис, она каждый божий день ездила этим маршрутом на автобусе — сначала в школу, потом в колледж. Остановившись на светофоре, она глянула по сторонам, узнавая дома. Ветхие, укрытые тенью деревьев, некоторые из них теперь имели облагороженные фасады и яркие двери. По залитым солнцем тротуарам сновали люди в легкой одежде: девушки с оголенными руками, матери с полуголыми ребятишками. Хозяева небольших лавок установили на тротуарах навесы и выставили под ними свои товары. Лора увидела лоток с красиво разложенными овощами, пару стульев из сосновой древесины и зеленые ведра с розами и гвоздиками. Маленький ресторанчик даже вынес на улицу пару столиков и белые железные стулья, которые стояли под полосатыми зонтиками. «Как в Париже, — подумала Лора. — Жаль, что мы живем не в Хэмпстеде». А потом стоявший за ней автомобиль засигналил, и она сообразила, что зажегся зеленый свет.

И только когда она уже ехала по хэмпстедской Хай-стрит, ей пришло в голову, что Филлис, возможно, нет дома.

Конечно, следовало бы сначала позвонить. Лора попыталась представить, чем занимается Филлис в погожий летний денек. Собственно, это было нетрудно, поскольку вариантов не так уж много. Филлис могла ходить по магазинам, покупая одежду или антиквариат, рыскать по своим любимым художественным галереям, сидеть в каком-нибудь комитете, продвигая музыку в массы, или собирать деньги на восстановление какого-то разрушающегося особняка в Хэмпстеде.

Правда, теперь было слишком поздно что-либо предпринимать, ведь она почти добралась до места. Через несколько минут она свернула с центральной дороги на улицу, которая сужалась, петляя вверх по холму, а потом выпрямлялась. Лора увидела убегающий вверх вместе с улицей ряд домов в георгианском стиле. Каждый стоял на ступеньку выше предыдущего, входные двери находились вровень с мощным булыжником тротуаром. Перед коттеджем Филлис был припаркован ее автомобиль — обнадеживающий знак, но это еще не значит, что Филлис дома. Неудобный ходок, она садилась за руль только тогда, когда ей приходилось «ехать в Лондон».

Лора остановилась за машиной Филлис, закрыла люк, взяла Люси на руки и вылезла из автомобиля. По обе стороны от входной двери дома Филлис стояли кадки с гортензией. Лора постучала в дверь и скрестила пальцы. «Если ее нет, я просто уеду, вернусь домой и оттуда позвоню ей». Но почти сразу до нее донесся звук цокающих шагов Филлис (та всегда ходила на высоких каблуках), а в следующую секунду дверь распахнулась и все мгновенно встало на свои места.

— Девочка моя.

Лучше приветствия Лора не слыхала. Они обнялись. Люси, конечно, мешала. Как всегда, когда она обнимала Филлис, Лоре казалось, будто она сжимает в объятиях птичку. Хрупкую птаху с ярким оперением. Сегодня на Филлис был туалет абрикосового цвета, на шее — модные прозрачные бусы, серьги в ушах смотрелись как елочные украшения. Пальцы на ее маленьких, как у ребенка, руках были унизаны кольцами, на лице, как всегда, безупречный макияж. Только волосы были чуть растрепаны, выбивались на лоб. Теперь в них блестела седина, но это ни в коей мере не приглушало юношеского задора на ее лице.

— Почему не позвонила?!

— Это было спонтанное решение. Захотела и приехала.

— Какая же ты молодчина, милая. Входи!

Лора вошла в дом, Филлис закрыла за ней дверь. Но в помещении не было темно: узкий коридор тянулся через весь дом к другой двери, выходявшей в сад, и она была открыта. В проеме виднелся залитый солнцем мощный зеленый дворик, а в глубине — белая решетчатая беседка.

Лора наклонилась и посадила Люси на рубиново-красный ковер. Собачка тяжело дышала, и Лора, бросив сумочку у подножия лестницы, прошла на кухню, чтобы налить для своей питомицы миску воды. Филлис наблюдала за ней, стоя в дверях.

— Я сидела в саду, — сказала она, — но там уже жарко. Пройдем лучше в гостиную. Там прохладно, да и окна открыты. Ты прямо как тростиночка, дорогая. Худеешь?

— Не знаю. Может быть. Не специально.

— Что-нибудь выпьешь? Я только что приготовила отменный лимонад. В холодильнике стоит.

— Не откажусь.

Филлис пошла за бокалами.

— Ты иди располагайся поудобнее. Забирайся с ногами на диван, и мы с тобой чудненько поболтаем. Сто лет тебя не видела. Как твой красавчик Алек?

— Нормально.

— Ты должна все мне рассказать.

Располагайся, забирайся с ногами на диван. Какое это счастье. Как в старые добрые времена. Послушавшись Филлис, Лора прилегла в уголке огромного мягкого дивана. За открытыми стеклянными дверями сад волновался, едва слышно шелестел на тихом ветру. Воздух наполнял аромат желтофиоли. Царил умиротворяющий покой. Что само по себе было удивительно, поскольку Филлис по натуре была очень деятельным человеком. Всегда куда-то спешила, кружила, как мошка, на своих тощих ногах по сто раз на день бегала вверх-вниз по лестнице.

Лоре она приходилась тетей, была младшей сестрой ее отца. Они выросли в семье обедневшего англиканского священника, которому пришлось экономить каждый пенни, дабы скопить необходимую сумму на то, чтобы послать отца Лоры в университет учиться на врача.

На образование Филлис денег уже не осталось.

И хотя к тому времени, слава богу, миновала та эра, когда считалось, что удел дочерей приходских священников — жить дома, с родителями, помогая матери украшать цветами церковь, и вести занятия в воскресной школе, лучшее, что ожидало Филлис, — это брак с каким-нибудь надежным, подходящим человеком. Но Филлис с детства была своевольной. Каким-то образом ей удалось окончить курсы секретарей-машинисток, а после она отправилась в Лондон — не с благословения родителей, — где сумела за рекордно короткое время найти себе не только жилье, но и работу — устроилась младшим секретарем-машинисткой в старинный издательский дом «Хей Макдональдс». Очень скоро ее энтузиазм и предприимчивость были оценены по заслугам. Она стала секретарем заведующего редакцией художественной литературы, а потом, в возрасте двадцати четырех лет, — личным помощником руководителя компании — Мориса Хей.

Он был холостяком пятидесяти трех лет, и все думали, что этот свой благословенный статус он сохранит до самой смерти. Не тут-то было. Морис без памяти влюбился в Филлис и увез ее — пусть и не на белом коне, а всего лишь в большом внушительном «бентли» — в свой небольшой, но роскошный дом в Хэмпстеде. С ней он был безмерно счастлив, они ни на день не расставались, и правильно делали: как оказалось, времени им было отпущено немного: через три года Морис умер от сердечного приступа.

Филлис он оставил дом, мебель и все свои деньги. Он не был ни мелочным, ни ревнивым человеком и не внес в завещание никаких мерзких дополнительных распоряжений типа того, что его вдова в случае повторного замужества будет лишена оставленного ей наследства. Но Филлис все равно второй раз замуж не вышла. Для всех, кто ее знал, это была загадка. Вроде бы недостатка в поклонниках у нее не было. Как раз наоборот. За ней постоянно ухаживали сразу по нескольку кавалеров — звонили, присылали цветы, приглашали в рестораны, возили отдыхать за границу, зимой водили в театры, летом — на скачки в Аскоте.

— Милые мои, — отвечала она, когда ей ставили в укор любовь к независимому образу жизни. — Я не хочу еще раз выходить замуж. Такого лапочку, как Морис, я больше никогда не найду. И вообще, без мужа куда веселее. Особенно если ты богата.

Когда Лора была маленькой, на Филлис она взирала как на фею. И неудивительно. Иногда, на Рождество, родители привозили ее в Лондон, чтобы показать украшенную Риджент-стрит и магазины, сводить в «Палладиум» или на балет. После они всегда оставались погостить у Филлис, и Лоре, воспитывавшейся в семье занятого сельского врача в атмосфере унылого однообразия, казалось, будто она внезапно попала в волшебный мир. Все было так красиво, так радужно, так ароматно. А Филлис...

— Мотылек, — говорила про нее мать Лоры, добродушно, без всякого осуждения в голосе, когда они возвращались домой, в Дорсет. А Лора, словно пришибленная, тихо сидела на заднем сиденье автомобиля, потрясенная воспоминаниями о столь небывалом великолепии. — Трудно представить, чтобы она когда-то пожелала окунуться в прозу жизни, занялась чем-то полезным... Да и зачем ей это?

Но здесь мама Лоры глубоко ошибалась. Ибо когда Лоре было двенадцать лет, ее родители погибли в автомобильной аварии, возвращаясь домой с совершенно безобидного званого ужина по дороге, которую оба знали как свои пять пальцев, потому что ездили по ней всю жизнь. Автокатастрофа произошла в результате неудачного стечения целого ряда обстоятельств: Т-образный перекресток, грузовик дальнего следования, автомобиль с неисправными тормозами, двигавшийся на недозволенной скорости, — все это привело к столкновению с печальными последствиями. И казалось, еще пыль на дороге не улеглась после всего этого кошмара, а Филлис уже была там.

Она ничего не сказала Лоре. Крепись, не плачь, на все воля Божья — ничего этого Филлис не говорила. Просто обняла Лору и умоляюще попросила уважить тетю и чуть-чуть пожить с ней в Хэмпстеде, чтоб ей не было скучно.

Лора поехала с Филлис и осталась у нее. Филлис обо всем позаботилась: организовала похороны, наняла адвокатов, распорядилась практикой отца Лоры, продала мебель. Для племянницы она оставила несколько ценных и личных вещей из дома ее родителей, и те были помещены в спальню, которая стала комнатой Лоры. Письменный стол отца, кукольный домик и книги Лоры, туалетный набор в серебряной оправе, принадлежавший ее матери.

— С кем ты живешь? — спросили Лору девочки в ее новой школе в Лондоне, когда им открылась — в результате бесцеремонных расспросов — печальная правда, что она — сирота.

— С тетей Филлис.

— Уфф, я бы не хотела жить с тетей. А муж у нее есть?

— Нет, она вдова.

— Еще хуже.

Лора промолчала, ибо знала, что не хотела бы жить ни с кем другим, кроме тети Филлис, если уж она не может жить в Дорсете со своими любимыми папой и мамой.

Между ними, по всем меркам, сложились весьма необычные отношения. Тихая прилежная девочка и ее энергичная общительная тетя стали близкими подругами. Они никогда не ссорились, не действовали друг другу на нервы. И только когда Лора

окончила колледж и получила профессиональную подготовку, позволявшую ей самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, они с тетей впервые разошлись во мнениях. Филлис хотела, чтобы Лора пошла работать в «Хей Макдональдс»; ей казалось, что это самый верный и очевидный путь.

Лора воспротивилась, считая, что, если она воспользуется предложением тети, в издательстве это будет расценено как семейственность. К тому же это подорвет ее решимость стать самостоятельной.

Филлис сказала, что никто не посягает на ее независимость, ведь она сама будет зарабатывать свой хлеб.

Лора заметила, что она и так в большом долгу перед тетей, что она предпочла бы вступить во взрослую жизнь — где бы она ни начала работать, — не пользуясь ничьей протекцией.

Какая протекция? Разве можно отказываться от замечательных перспектив только потому, что она племянница Филлис?

Лора заявила, что хочет быть самостоятельной.

Вздыхнув, Филлис объяснила, что она и так будет самостоятельной. Ни о каком nepотизме не может быть и речи. Если Лора не будет справляться с работой, никто не станет держать ее в издательстве из милости — уволят без всяких угрызений совести.

Это было слабым утешением. Лора пробормотала что-то в том смысле, что ей нужно научиться самой преодолевать трудности.

Так ведь «Хей Макдональдс» не благотворительное заведение. Лора вполне могла бы попробовать свои силы в этом издательстве.

Спор продолжался с перерывами на протяжении трех дней, и Лора в конце концов сдалась. Но тут же сообщила Филлис, что нашла себе небольшую двухкомнатную квартирку в Фулеме, намерена покинуть Хэмпстед и жить там. Это решение Лора приняла давно. Со спором относительно работы оно никак не было связано. Дело не в том, что она больше не хотела жить с Филлис. Напротив, она бы с радостью всю жизнь провела в ее теплом уютном маленьком домике, стоявшем высоко на холме, возвышающемся над Лондоном, но она понимала, что ни к чему хорошему это не приведет. Ситуация несколько изменилась. Теперь

они были не просто тетя и племянница, а две взрослые женщины. Нельзя было ставить под угрозу уникальные тонкие отношения, что сложились между ними; обе ими очень дорожили.

У Филлис была своя жизнь — все еще увлекательная и полная разнообразия, несмотря на то что ей уже было далеко за пятьдесят. А девятнадцатилетней Лоре пора было строить *свою* жизнь, и это ей вряд ли удастся, если она не найдет в себе силы воли покинуть уютное гнездышко Филлис.

Филлис поначалу пришла в смятение, но потом согласилась с племянницей. Правда, добавила:

— Ты не долго пробудешь одна. Выскочишь замуж.

— С чего это вдруг?

— Потому что ты из тех, кто выходит замуж. Из тех женщин, которым нужны мужья.

— То же самое про тебя говорили после смерти Мориса.

— Ты — не я, милая. Поработаешь немного и заведешь семью.

Даю тебе срок три года. Ни днем больше.

Но Филлис в кои-то веки ошиблась. Прошло девять лет, прежде чем Лора обратила внимание на Алека Хаверстока, и еще шесть — к тому времени Лоре уже было тридцать пять, — прежде чем они поженились.

— А вот и я...

Позвякивание кубиков льда в стеклянном бокале, цоканье высоких каблучков. Лора открыла глаза, увидела рядом Филлис. Та ставила поднос на низкий столик.

— Спала?

— Нет. Просто думала. Вспоминала.

Филлис опустила на другой диван. Она не откинулась на спинку: отдых в любой форме был абсолютно чужд ее натуре. Она сидела прямо, будто готова была в любую секунду подхватиться и убежать по какому-то важному делу.

— Что ж, рассказывай. Все. Чем занималась? Надеюсь, ходила по магазинам.

Филлис налила лимонад в высокий бокал и подала его Лоре. Ледяное стекло обжигало руки. Лора глотнула лимонаду и поставила бокал на пол рядом с собой.

— Нет, не по магазинам. Я была у доктора Хикли.

Филлис склонила голову набок. В ее лице мгновенно отразился острый интерес. Она вскинула брови, вытаращила глаза.

— Нет, — сказала Лора. — Я не беременна.

— А зачем же ты к ней ходила?

— Все с тем же.

— Бедняжка ты моя.

Не было необходимости говорить что-то еще. Они скорбно смотрели друг на друга. В раздвинутых стеклянных дверях появилась Люси, выбегавшая в сад по маленькой нужде. Царапая когтями паркет, она просеменила через комнату, проворно запрыгнула Лоре на колени, свернулась клубочком и вновь задремала.

— Когда это началось?

— Да уж некоторое время назад. Просто я все тянула с визитом к доктору Хикли — не хотела об этом думать. Знаешь ведь как: кажется, что, если не обращаешь внимания, не смотришь, все рассосется само собой.

— Это ты зря.

— Вот и она то же самое сказала. Но это ничего не меняет. Мне придется снова лечь в больницу.

— Когда?

— Чем быстрее, тем лучше. Может, через пару дней.

— Но, дорогая, ты же собиралась в Шотландию.

— Доктор Хикли говорит, мне нельзя ехать.

— Девочка моя. — В голосе Филлис слышалось отчаяние. —

Ты так этого ждала, это твоя первая поездка на отдых вместе с Алеком в Шотландию... Что он будет делать? Не поедет же без тебя.

— Вот потому-то я здесь. Хочу попросить тебя об одолжении. Не откажешь?

— Смотря в чем.

— Можно пожить с тобой после того, как я выйду из больницы? Если Алек будет знать, что я с тобой, он поедет в Гленшандру с остальными. Для него это так важно. Он несколько месяцев планировал эту поездку. Забронировал отель, арендовал уча-

сток реки для рыбалки. Я уж не говорю про Боулдерстоунов и Энсти.

— Когда это будет?

— На следующей неделе. В больнице я проведу всего пару дней, и за мной не надо ухаживать и все такое...

— Боже, какой кошмар. Понимаешь, я уезжаю.

— Ты... — Нет, это невысказано. Лора смотрела на Филлис, надеясь, что ей удастся удержаться от слез. — Тебя не будет здесь?

— Я еду на месяц во Флоренцию. С Лоренсом Хаддоном и четой Бирли. Мы только на прошлой неделе все организовали. Но если другого выхода нет, я могла бы отложить поездку.

— Ни в коем случае.

— А если, допустим, ты поживешь у брата Алека и его жены? У того, что из Девона. Разве они не могли бы позаботиться о тебе?

— Ты предлагаешь мне поехать в Чагуэлл?

— Ты, я вижу, не в восторге от этой идеи? Мне казалось, они понравились тебе, когда ты была у них на Пасху.

— Да, они мне понравились. Милые люди. Но у них пятеро детей, а сейчас каникулы и у Джейни хлопот полон рот. А тут еще я нарисуюсь — бледная, осунувшаяся, завтрак мне в постель подавай. К тому же я знаю, как бывает после таких операций. Чувствуешь себя абсолютно выдохшейся. Наверное, из-за анестезии. А в Чагуэлле всегда шум стоит в миллион децибелов. Полагаю, это неизбежно, когда в доме пятеро детей.

Филлис согласилась с ее доводами и, отказавшись от варианта с Чагуэллом, стала искать другие.

— Всегда есть миссис Эбни.

— Алек ни за что не оставит меня на миссис Эбни. Она стала сдавать, ей тяжело подниматься по лестнице.

— А доктор Хикли не может отложить операцию?

— Нет. Я спрашивала, она категорически против. — Лора вздохнула. — Когда обстоятельства складываются подобным образом, я всегда жалею, что у меня нет большой семьи. Родных и двоюродных братьев и сестер, дедушек с бабушками, матери и отца...

— Родная ты моя, — проронила Филлис, и Лору кольнуло чувство вины.

— Глупость я сказала. Прости.

— Может, нанять сиделку, — предложила Филлис. — Вдвоем с миссис Эбни они, наверное, справились бы...

— Или остаться в больнице?

— Вот еще. И вообще весь этот разговор — пустая трата времени. Не думаю, что Алек захочет поехать в Шотландию без тебя. У вас ведь фактически все еще медовый месяц!

— Мы женаты девять месяцев.

— В таком случае пусть отменит поездку и отвезет тебя на Мадейру, когда тебе станет лучше.

— Не получится. Он не может брать отпуск тогда, когда ему заблагорассудится. Он слишком важный человек. А Гленшандра — это своего рода традиция. Он всю жизнь туда ездит в июле с Энсти и Боулдерстоунами. Он весь год живет в предвкушении этой поездки. Так заведено. И это именно то, что ему нравится, как он мне говорит. Тот же отель, та же река, тот же инструктор по рыбной ловле, те же друзья. Для Алека это — отдышка, глоток свежего воздуха, то, что дает ему силы целый год ишачить в Сити.

— Ты же знаешь, ему нравится ишачить, как ты выражаешься. Нравится, что он всегда при деле, преуспевает, председательствует то тут, то там.

— И он не может подвести остальных в последний момент. Если он не поедет, они решат, что это по моей вине, и я, если испорчу им отдых, упаду в их глазах ниже плинтуса.

— При чем тут Энсти и Боулдерстоуны? — возразила Филлис. — Ты не о них должна думать, а об Алека.

— Я о нем и думаю. Мне кажется, я приношу ему одни разочарования.

— Глупости. Ты же не виновата в том, что неожиданно заболела. Да и этой поездки в Шотландию ты ждала не меньше его. Или нет?

— Даже не знаю, Филлис. Если б я собиралась туда только с Алемом, это было бы совсем другое дело. Когда мы вместе,

только он и я, у меня все получается. Мы счастливы, ему со мной весело. Как будто я со своей второй половиной. Но когда с нами его друзья, у меня такое чувство, что я забрела в чужой клуб, и, как бы я ни старалась, своей там никогда не стану.

— А ты этого хочешь?

— Не уверена. Просто они знают друг друга так хорошо многие годы, и большую часть этого времени Алек был женат на Эрике. Дафна — лучшая подруга Эрики и крестная Габриэлы. У Алека с Эрикой в Нью-Форесте был дом, Дипбрук, куда они все ездили на выходные. Все, что они делали вместе, их общие воспоминания — все это имеет пятнадцатилетнюю историю.

— Да, неприятно, — вздохнула Филлис. — Трудно мириться с чужими воспоминаниями. Но ты ведь все это сознавала, когда выходила замуж за Алека.

— Я ни о чем таком не думала. Знала только, что хочу быть его женой. Я не хотела думать ни об Эрике, ни о Габриэле. Просто делала вид, что их не существует, что, в общем-то, было легко, поскольку они обе живут далеко, в Америке.

— Ты бы ведь не хотела, чтобы Алек бросил всех своих друзей. Старые друзья — неотъемлемая часть человека. Часть того, кто он есть. Им ведь тоже не просто. Поставь себя на их место.

— Да, наверное.

— Они упоминают Эрику и Габриэлу?

— Иногда. Но потом все мгновенно умолкают и кто-нибудь сразу меняет тему разговора.

— Может, тебе стоит самой поднять эту тему.

— Это исключено, Филлис. Как я могу завести разговор об очаровательной Эрике, бросившей Алека ради другого мужчины? Как я могу болтать о Габриэле, если Алек не видел ее с тех пор, как расстался со своей бывшей женой?

— Она ему пишет?

— Нет. А вот он ей пишет. С работы. Однажды его секретарша забыла отправить письмо и он принес его домой. Я увидела адрес, напечатанный на машинке. Тогда-то я и поняла, что он пишет ей каждую неделю. Но ответа, по-моему, не получает. В доме нет фотографий Эрики, зато на его туалетном столике стоит

фотография Габриэлы, а еще рисунок, который она для него нарисовала, когда ей было пять лет. В серебряной рамке из «Асприз»¹. Наверное, если в доме случится пожар, первое, что он кинется спасать из огня, это тот самый рисунок.

— Ему нужен еще один ребенок, — твердо сказала Филлис.

— Знаю. Но я, возможно, никогда не смогу родить.

— Сможешь.

— Нет. — Лора повернула голову на синей шелковой подушке и посмотрела на Филлис. — Может, и не получится. Мне ведь уже почти тридцать семь.

— Ерунда.

— И, если моя болячка снова даст о себе знать, доктор Хикли говорит, мне придется удалить матку.

— Лора, не думай об этом.

— А я хочу ребенка. Очень.

— Все будет хорошо. На этот раз все будет хорошо. Не паникуй. Главное — позитивный настрой. Что касается Энсти и Боулдерстоунов, они поймут. Они — симпатичные обычные люди. Мне они показались очень даже приятными, когда я познакомилась с ними на том милом званом ужине, что ты устроила в мою честь.

— И Дафна тоже? — усмехнулась Лора.

— И Дафна тоже, — не колеблясь, ответила Филлис. — Да, она весь вечер флиртовала с Алеком, но у некоторых женщин кокетство в крови, они иначе не могут. Даже если они уже не первой молодости. Ты ведь не думаешь, что между ними что-то было?

— Порой, когда мне тоскливо на душе, я волей-неволей... Алек пять лет жил один после того, как Эрика его бросила.

— С ума сошла. Разве можно представить, чтобы такой порядочный человек, как Алек, крутил шашни с женой своего лучшего друга? Я — не могу. Ты недооцениваешь себя, Лора. Но что гораздо опаснее, ты недооцениваешь Алека.

---

¹ «Асприз» — фешенебельный магазин галантерейных изделий и подарков в лондонском Вест-Энде.

Лора откинулась на диванную подушку и закрыла глаза. Стало прохладнее, но Люси, лежавшая у нее на коленях, обжигала как грелка.

— Как же быть? — спросила она.

— Езжай домой, — сказала Филлис. — Прими душ, надень свое лучшее платье и, когда Алек придет с работы, налей ему мартини со льдом и поговори с ним. И если он захочет отказаться от отдыха в Шотландии и остаться с тобой, пусть так и будет.

— Но я хочу, чтобы он поехал. Правда хочу.

— Тогда так и скажи ему. И еще скажи, что в худшем случае я отменю поездку во Флоренцию и ты после больницы поживешь у меня.

— О Филлис...

— Но я уверена, он придумает что-нибудь толковое, и окажется, что все твои метания абсолютно напрасны. Так что давай больше не будем об этом. — Филлис глянула на часы. — Что ты скажешь по поводу чашечки ароматного китайского чая?

СОДЕРЖАНИЕ

Голоса лета. <i>Перевод И. Новоселецкой</i>	5
Штормовой день. <i>Перевод Е. Осеневой</i>	247
Начать сначала. <i>Перевод И. Архангельской</i>	449